

П У Б Л И К А Ц И И

АРСЕНИЙ, АРХИЕПИСКОП ЭЛАССОНСКИЙ

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ,
ПРЕДПРИНЯТОГО ИЕРЕМИЕЙ ВТОРЫМ,
ПАТРИАРХОМ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ, В МОСКОВИЮ,
И УЧРЕЖДЕНИЯ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРШЕСТВА

*Перевод, вступительная статья и комментарий
под редакцией
ЕПИСКОПА ВОЛОКОЛАМСКОГО ПИТИРИМА*

CODICES MANUSCRIPTI BIBLIOTHECAE

REGII TAURINENSIS ATHENAEI

PER LINGUAS DIGESTI, & BINAS IN PARTES DISTRIBUTI, IN QUARUM
PRIMA HEBRAEI, & GRAECI, IN ALTERA
LATINI, ITALICI, & GALLICI.

Recensuerunt, & animadversionibus illustrarunt

J O S E P H U S P A S I N U S

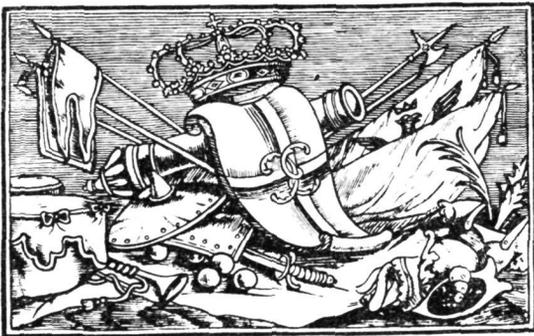
REGIA CONSILIIS

BIBLIOTHECAE PRAESES, ET MODERATOR.

ANTONIUS RIVAUTELLA, & FRANCISCUS BERTA

EJUSDEM BIBLIOTHECAE CUSTODES.

Infertis parvis quibusdam Opusculis haecenus ineditis, adjectoque in fine
Scriptorum, & eorum Operum Indice, praeter Characterum
specimina, & varia Codicum ornamenta
partim aere, partim ligno incisa.

TAURINI. MDCCXLIX.

EX TYPOGRAPHIA REGIA.
SUPERIORUM PERMISSU.

Преподобный Архимандрит

Архимандрит Будимир

Смирненскій архимандритъ Арсеній. Бѣрескій
и Кашиноскій Гречанинъ, и сѣу
Ачальскій. и старуки. и прѣдхажетскій.
Гречанинъ.

АРСЕНИЙ, АРХИЕПИСКОП ЭЛАССОНСКИЙ, И ЕГО ПОЭМА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РУССКОГО ПАТРИАРШЕСТВА

Произведение Арсения Элассонского, носящее название *Κόποι και διατριβή τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχῶβιας* и посвященное учреждению на Руси патриаршества, представляет собой памятник иностранного происхождения, весьма важный для русской церковной истории не только непосредственно в связи с историей установления патриаршества, но и по обилию исторических характеристик.

Сам автор — епископ Арсений — чрезвычайно интересная личность. Он родился в середине XVI столетия в селении Калорьяна (*Καλοριανὰ*), близ города Трикки (Фессалия), в семье священнослужителя, все пять сыновей которого приняли монашество, а трое достигли епископского сана. Арсений в сане иеромонаха был вызван его покровителем, Ларисским митрополитом Иеремией, возведенным на патриарший престол в 1572 году, в Константинополь и поставлен чередным священником при патриаршем храме. Вскоре Арсений получает рукоположение в епископа Элассона и Димоники, которые в XVI столетии входили в состав Ларисской митрополии.

В 1581 году Иеремия был свержен с патриаршего престола, а в 1582 году опять возведен, в 1584 году снова свержен и заточен на Родосе.

В конце 1585 года Арсений при патриархе Феодипте II был вызван снова в Константинополь и включен в состав посольства, отправляемого в Москву. Посольство должно было выразить царю Феодору Иоанновичу благодарность за богатую милостыню, присланную на помин души его отца Иоанна IV с русским посланником боярином Борисом Благовым. В это посольство, помимо епископа Арсения, входил также епископ Диррахийский Паисий. Оно было принято очень хорошо в Москве и через месяц, щедро одаренное, отправилось обратно в Константинополь.

Проезжая через Львов в июне 1586 года, Арсений, уступая просьбам православных жителей города и местного православного епископа Гедеона Балабана, находившихся в католическом окружении, решил остаться в местной братской школе преподавателем греческого и церковнославянского языков. Царская же милостыня была доставлена Константинопольскому патриарху епископом Паисием. Арсений остался во Львове по собственному желанию, и его пребывание в этом городе не следует рассматривать как осуществление им некоей миссии, возложенной на него патриархом Феодиптом, как и вскоре восстановленным на патриаршем престоле Иеремией. Последний, вероятно, лишь санкционировал впоследствии решение епископа Арсения, своего любимца.

Во Львове Арсений провел два года и составил здесь «Граматику»

В последней четверти XVI века Москва ведет активную церковнославянским языком в достаточной степени, он должен был прибегнуть к помощи своих учеников.

В последней четверти XVI века Москва ведет активную церковно-дипломатическую деятельность, направленную к установлению патриаршества, сознавая свое растущее значение и несоответствие действительного положения Русской Церкви и ее иерархии скромному месту, которое она занимала в ряду Восточных Православных Церквей.

Можно упомянуть об одном происшествии, характеризующем отношение Москвы к Восточным патриархам в то время. Когда 17 июня 1586 года в Москву приехал Антиохийский патриарх Иоаким, то, хотя ему и были оказаны известные почести, он нашел в столице Руси, в общем, довольно сдержанный прием. Московский митрополит Дионисий встретил патриарха в Успенском соборе и выразительно показал ему, в чьих руках — Москвы или Востока — находится действительная власть. «Велел Государь итти Патреарху в Соборную церковь к Митрополиту; а Митрополит был в Святейтельском сану на устроенном месте... и Митрополит, шед с места своего, Патреарха встретил от места с сажень и Патреарха благословил наперед, и после Патреарх благословил Митрополита; а о том Патреарх поговорил слегка, что пригоже было Митрополиту от него благословенье принять наперед, да и перестал о том...» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, прим. 196).

Вопрос об учреждении патриаршества в Москве обсуждался царем Феодором Иоанновичем с патриархом Иоакимом. Патриарх обещал судить этот важный для Москвы вопрос на Соборе Греческой Церкви, и он действительно выполнил свое обещание, указав Восточным патриархам на чистоту Православия на Руси. По сообщению прибывшего в Москву летом 1587 года грека Николая, Константинопольский и Антиохийский патриархи уже начали Собор и пригласили для совещания двух других патриархов, Иерусалимского и Александрийского. Было сказано, что патриарх Иерусалимский должен будет привезти после Собора в Москву решение всех Восточных патриархов, санкционирующее учреждение Московского патриаршества.

Но неожиданно для Москвы развитие событий получило другое направление и ускорило благополучное их разрешение. В 1586 году Иеремия, в третий раз занявший Константинопольский патриарший престол, решил лично отправиться в Москву за вспомоществованием. Получив разрешение проехать через Польшу и Литву, Иеремия через Брест, Вильно и Оршу достиг границ Русского государства.

Когда он неожиданно появился у Смоленского рубежа, московские власти, получив донесение об этом, чрезвычайно обеспокоились, подозревая, что Иеремия, несколько раз свергавшийся с престола, мог и теперь не быть законным патриархом.

Смоленские воеводы получили выговор, зачем патриарх пришел к ним безвестно: «Вперед так просто не делайте, чтоб на рубеж никакой посланник и никакой человек под посад безвестно не приезжал». Епископу Смоленскому царь писал: «Если патриарх станет проситься у воевод в церковь Пречистой Богородицы помолиться, то мы ему в церковь идти позволили; и у тебя в церкви в то время было бы устроено чинно и людно, архимандритов, игуменов и попов было бы много, встречал бы ты патриарха и чтил его честно, точно так же, как митрополита нашего чтите» (разрядка наша.—*Е. П.*). Пристав, отправленный встречать и провожать патриарха, получил наказ: «Разведать, каким обычаем патриарх к государю поехал, и теперь он патриаршество цареградское держит ли и нет ли кого другого на его месте; и кроме его нужды, что едет за милостынею, есть ли с ним от всех патриархов с соборного приговора к государю приказ. Честь патриарху держать великую, такую же, как к здешнему митрополиту» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. VII, гл. IV. М., 1960, стр. 303—304). Как выяснилось, опасения Москвы были напрасными. В Москву спешил действительно законный вселенский Константинопольский патриарх, которому и суждено было приобрести столь большую известность в русской церковной истории, как непосредственному участнику установления патриаршества на Руси, едва не оставшемуся здесь же патриархом.

При всех событиях присутствовал в свите патриарха епископ Арсений. Живой, впечатлительный, уже дважды побывавший и обласканный в Москве, с дней юности привязанный к своему покровителю, он пишет панегирическую поэму о путешествии патриарха Иеремии, приеме его в Москве и торжественной интронизации первого русского патриарха Иова.

С Москвой связана и дальнейшая судьба епископа (архиепископа) Арсения. Царь сдержал слово, данное архиепископу во время последней встречи с патриархом Иеремией перед возвращением последнего в Константинополь, — оставить Арсения пожизненно в столице. В 1596 или в 1597 году Арсений был назначен архиепископом при Архангельском соборе в Кремле. «Да на Москве же безотступно живет у царских гробов, у Архангела, архиепископ Еласунский, из грек, и служит завсегда по родителей государских».

Арсений пользуется покровительством царя и патриарха Иова и начинает жить интересами Русской Церкви и Русского государства. Когда в январе 1590 года в Москву привезли решение Собора об утверждении русского патриаршества, Арсений участвовал в торжественном приеме константинопольского посла. В марте 1592 года он участник Собора русских нерархов, избравших новгородским митрополитом чудовского архимандрита Варлаама. В августе 1598 года Арсений подписал в числе других грамоту об избрании на царство Бориса Годунова. В феврале 1604 года он присутствовал на торжественном приеме у патриарха Иова по случаю прибытия в Москву иерусалимского архимандрита Феофана, впоследствии Иерусалимского патриарха, и других высших духовных лиц.

Будучи связан по характеру своего служения с Архангельским собором, Арсений в период польского нашествия был в Москве, не выезжал из Кремля и стал свидетелем кровавых событий войны, пожаров и всех ужасов осады. В 1611 году от пожара пострадало его жилище в Кремле. Поляки отобрали у него дом и ограбили его.

Перенеся голод и лишения во время осады, Арсений тяжело заболел. В октябре-ноябре 1612 года Китай-город и Кремль были освобождены от поляков. «Архиепископ Галасунский Арсений» был одним из нерархов, отметивших торжественными молебствиями это событие. Князь Трубецкой и князь Пожарский, строго наказав находившихся в Кремле перебежчиков к полякам и изменников, милостиво отнеслись к Арсению и возместили ему все убытки, которые он понес во время осады.

В мае 1613 года Арсений торжественно встречает нового царя Михаила Феодоровича, прибывшего в Москву со своей матерью, инокиней Марфой, и сопровождает их в Архангельский собор, где совершает, по их просьбе, молебен. Через несколько дней он дает, в числе других епископов, согласие на избрание на царство Михаила.

И в дальнейшие годы мы нередко встречаем известия об участии Арсения в жизни Русской Церкви и Русского государства. В мае 1613 года Арсений назначается архиепископом Тверским и Кашинским, но его связь с Архангельским собором фактически не прерывается, и новое назначение остается больше на бумаге. В начале 1615 года Арсений становится архиепископом Суздальским и Тарусским, но продолжает жить в Москве, в Кремле. В июле 1618 года он участник Собора, созванного по обвинению архимандрита Дионисия и других духовных лиц в недопустимом, якобы, исправлении Третьяка. В апреле 1619 года Арсений встречает в Москве Иерусалимского патриарха Феофана. Знание греческого языка сделало его незаменимым для переговоров с патриархом. В июне 1619 года он принимает, по-видимому, участие в наречении митрополита Филарета русским патриархом, а в июле того же года участвует в Соборе для вынесения окончательного решения по делу

архимандрита Дионисия и других об исправлении Требника, на котором все обвиняемые были оправданы. В октябре 1620 года Арсений вновь, по-видимому, участник двух Соборов во главе с Патриархом Филаретом.

Архиепископ Арсений известен как инициатор постройки многих храмов в Москве, как щедрый благотворитель восточным и русским монастырям и церквям.

В конце 1621 года Арсений покидает Москву и перемещается на свою Суздальскую кафедру. В 1622 году он выполняет последнюю просьбу несчастной Ксении Годуновой (в монашестве Ольги), обращенную к Михаилу Феодоровичу, о погребении ее вместе с родителями в Троице-Сергиевой Лавре. Будучи уже глубоким старцем, Арсений проявляет деятельную заботу о своей епархии.

Арсений скончался на 77-м году жизни, 13 апреля 1626 года, и погребен в суздальской соборной церкви у западного левого столпа. Табличка, сделанная позднее, над гробницей Арсения, видимо, не совсем точно определяет дату его кончины, как 29 апреля 1625 года.

К написанию своей поэмы епископ Арсений приступил вскоре после отъезда Константинопольского патриарха Иеремии II из Москвы и завершил, как можно полагать, не позднее 1593 года.

Она посвящена одному из живших на Востоке его друзей, что видно из ее первых строк. Он воспевает в ней широту, радушие, гостеприимство и щедрость русского царя Феодора, царицы Ирины, митрополита Иова и Бориса Годунова, пышность приемов, роскошь и блеск царских палат, богатство царских и митрополичьих облачений.

Поэма несколько риторична по языку, изобилует повторениями, столь присущими стилю художественных произведений той эпохи и этого жанра. Вместе с тем в отдельных местах она поражает читателя необычайной эмоциональностью изложения, исключительной наблюдательностью автора, точностью и выразительностью рисуемых им образов.

Покровитель Арсения патриарх Иеремия изображен автором идеализированно. Он сравнивается с библейским Иовом, уподобляется пророку Иеремии. О нем говорится как о преданном защитнике Православной Церкви в тяжелых условиях турецкого владычества на Востоке, как о духовном главе всех восточных христиан.

Поэма Арсения представляет собой, несомненно, важный для нашей церковной истории памятник. Это — свидетельство очевидца и свидетельство к тому же иностранца, чей острый глаз подмечал многое, на что коренные русские люди не обращали внимания, как на вещи, с их точки зрения, обычные. Но этот памятник нужно изучать критически, с учетом данных, сообщаемых нашими летописями, официальными государственными актами и другими историческими источниками.

Необходимо также сравнить поэму Арсения с более поздним трудом того же автора — историческими мемуарами, охватывающими период от начала царствования Феодора Иоанновича (1584) до восшествия на престол Михаила Феодоровича Романова (1613). Рукопись мемуаров находилась в одном из греческих трапезунтских монастырей — Сумелийском (а не Синайском, как указывает Н. Оглоблин в своей статье «Арсений, архиепископ Элассонский», — «Историческая библиотека», СПб., 1879, № 8, август, стр. 16). В мемуарах Арсения имеются дополнительные данные, относящиеся к установлению у нас патриаршества.

Надо ознакомиться и с работой на новогреческом языке другого иностранного свидетеля этого события, митрополита Монемазийского Иерофея. Его интересное донесение о путешествии в Москву было на-

печатано в Венеции в 1676 году, благодаря заботам греко-униатского священника Амбруаза Градениго*.

Для полного представления о всей этой большой теме необходимо, наконец, учесть выводы научных исследований, посвященных истории учреждения Московского патриаршества, изложенные в трудах проф. А. П. Зернина («Учреждение в России патриаршества», — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Ник. Калачовым, М., 1885); Г. Воскресенского («Арсений, архиепископ Суздальский», Владимир, 1856); Августина Голицына (Augustin Galitzin. Document relatif au Patriarcat Moscovite, 1589, Paris, 1857); А. Дмитриевского («Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря», Киев, 1899); доц. П. Ф. Николаевского («Учреждение патриаршества в России», — «Христианское чтение», СПб., 1879, №№ 7—8) и других.

Автографа произведения Арсения Элассонского, кажется, не существует. По-видимому, он давно утерян, хотя Вихман в предисловии к своему изданию латинского перевода поэмы Арсения утверждает, что он был около 1820 года обнаружен в Париже. В Италии, в Туринской библиотеке, имеется лишь копия подлинной рукописи автора. Бумажный кодекс, содержащий копию поэмы Арсения, состоит из 57 листов и относится к концу XVI века. Приводим слова русского ученого С. А. Соболевского, видевшего его в Турине в 1848 году. «В 1848 году, осенью, находясь в Турине, я нашел в тамошней королевской библиотеке, и не без малого труда, рукопись сочинения Арсения Элассонского; рукопись эта по величине равняется книге в 12-ю д. л. нашего времени. писана на бумаге, почерк четкий, конца XVI или начала XVII века. На белых листах, в начале и в конце книги, написаны разными почерками имена прежних ее владетелей, разные замечания, числа и годы и пр. Я имел намерение скопировать весь этот манускрипт на прозрачной бумаге; но как в нетопленной библиотеке было очень холодно, а для взятия на дом требовались просьбы и время, то в ожидании желаемого разрешения я списал только первую страницу манускрипта и находящиеся на нем приписки. Тут начались военные действия с Австрией, посольство наше выехало из Турина и я, не получив разрешения взять этот памятник на дом, должен был уехать. Списанные мною листки с означением № рукописи переданы были мною М. П. Погодину. Где они теперь — не знаю; во всяком случае полезно бы осуществить мое намерение и вот почему: издатели каталога туринской библиотеки напечатали текст памятника очень небрежно, ибо по сличении переписанной мною первой страницы с печатным текстом нашлось несколько ошибок и даже пропущенных слов; сверх того они сами, говоря о своем переводе на латинский язык, признаются, что они многих слов не поняли; это, вероятно, или русские слова, писанные греческими буквами, или выражения грекороссийского церковного обряда» («Библиографические записки», 1858, т. I, № 3, стр. 81).

Новогреческий текст поэмы Арсения был напечатан в середине XVIII века в Турине тремя итальянскими учеными I. Pasini, A. Rivautella и F. Berta в «Codices manuscripti bibliothecae regii Taurinensis Athenaei», Turini, 1749, t. I, pag. 433—469, без соблюдения стихотворного размера, с пропусками и искажениями; вместе с греческим текстом был опубликован латинский перевод, с которых и сделан заново публикуемый здесь перевод. Латинский перевод впоследствии перепечатывался несколько раз: Бекманом в 1809 году (Joh. Beckmann. Literatur der altern Reisebeschreibungen, t. I, S. 404—420); Вихманом в 1820 году (B. von Wichmann. Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner

* О труде митрополита Иерофея см.: ТКДА, 1898, янв., стр. 66—67. А. Дмитриевский. «Архиепископ Элассонский Арсений».

Schriften zur altern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs, B. I, Berlin, 1820); Адальбертом Старчевским в 1842 году (A. d. Starczewski, Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI, t. II, № 10, Berolini et Petropoli, 1842).

Что касается Старчевского, то он смешал Арсения Элассонского с более ранним автором — Арсением Монемавзийским или Мальвазийским, поэтом и комментатором античных авторов, жившим в конце XV и в первой половине XVI веков. Старчевский пишет: «Арсений, писатель XVI столетия, был архиепископом в Мальвазии, на полуострове Морее. Он находился в тесной дружбе с папою Павлом III и посвятил ему свои «Комментарии на Еврипида»; но, обнаружив склонность к папизму, был отрешен от служения патриархом Константинопольским и навлек на себя порицания православных. Кроме сказанных комментариев, он писал на греческом языке «апофегмы» и собрал многие места из Стобея. Также были изданы в Риме его стихотворения и разные повествования; там же и «апофегмы», а «Комментарии на 7 Еврипидовых трагедий» — в Венеции, в 1534 году» (Старчевский, т. II, стр. XVIII).

Наш Арсений Элассонский не имеет ничего общего с Арсением Монемавзийским. Латинский же текст, напечатанный Старчевским в своей хрестоматии, представляет собой перепечатку латинского перевода XVIII века действительного произведения Арсения Элассонского.

В 1857 году появилась французская версия поэмы Арсения, сделанная иезуитом Августиним Голицыным.

Голицын — интересный автор. Его отец, Дмитрий Голицын (1770—1840), стал римско-католическим священником. В 1792 году, уехав в Северную Америку, он в качестве миссионера объехал Мэриленд, Виргинию и Пенсильванию. В 150 милях от Филадельфии он срубил небольшую деревянную церковь, вокруг которой скоро возникло селение, названное им Лоретто. В честь Дмитрия Голицына станция железной дороги у западного входа в туннель, прорытый в Аллеганских горах близ основанной им колонии, названа Galitzin. Иезуит Августин Голицын — автор ряда полемических работ, написанных в защиту католицизма. Живя в Париже, он издавал материалы, важные для истории России и для истории Русской Церкви. Однако в его комментариях к сделанной им французской версии поэмы Арсения всюду проглядывает его тенденциозность иезуитского неопита.

В 1879 году появилась русская версия поэмы Арсения, сделанная с латинского перевода Н. Оглоблиным, — по отзыву А. Дмитриевского (стр. 27), весьма неудовлетворительная (см. «Историческая библиотека», №№ 8 и 9, СПб., 1879).

Второе критическое издание новогреческого текста поэмы Арсения осуществил в 1859 году ученый греческий филолог К. Спиридон Зампелнос в Афинах (Σπυρίδ. Ζαμπέλιος. Καθίδρουσις Πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ, ἐκδ. Ν. Δραγούμη ἐν Ἀθῆν. 1859, σελ. 27—68). Зампелнос восстановил стихотворный размер произведения Арсения. Он рассматривает его поэму не как художественное произведение, а как важный исторический источник. Но и это издание, хотя оно и имеет преимущества по сравнению с Туринским изданием 1749 года, сохранило многие места, содержащие русские и польские выражения, оставшиеся непонятными и необъясненными издателем.

